а мы, оставшиеся, легли в семь часов в поспешно импровизированные постели и проспали до первого полудня нового года. Такова лондонская жизнь.

С сердечным приветом.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано с сокращениями в журнале «Sozialistische Monatshefte» №№ 15 и 16, 1920 и полностью на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVIII, 1940 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

71

ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ В ХОБОКЕН

Лондон, 12 января 1889 г.

Дорогой Зорге!

От всего сердца поздравляю тебя и твою жену с Новым годом!

Письмо от 29 декабря получил. Меня очень огорчило известие, что тебе, так же как и твоей жене, становится тяжело работать. Надеюсь, однако, что это — лишь временное явление, все пройдет, когда вы привыкнете. Я чувствую себя хорошо, но во время ужасных декабрьских туманов моим глазам опять стало несколько хуже. Благодаря усиленному моциону и пребыванию на свежем воздухе я почти избавился от этого.

Что особенно характерно для европейского социализма в настоящий момент — это склока. Во Франции поссибилисты продались правительству и поддерживают свои, не находящие сбыта газеты средствами из тайных фондов; на выборах 27-го[126] они собираются голосовать за буржуа Жака, в то время как наши и бланкисты выставили кандидатуру Буле. Лафарг думает, что Буле получит всего 16—20 тысяч голосов, они считают это поражением. Зато в провинции дела обстоят лучше. Поссибилисты объявили о созыве *своего* съезда в Труа[107], но отказались от него, когда тамошние организаторы пригласили *всех* социалистов. Явились, следовательно, только наши, и там они доказали, что если в Париже господствуют поссибилисты, то провинция принадлежит нам. Итак, в Париже в этом году состоятся два конгресса (международных), наш и поссибилистов. Немцы, вероятно, не явятся ни на один из них.

Здесь, в Лондоне, по-прежнему продолжается барабанный бой армии офицеров без солдат. Это вроде колонны Роберта

Блюма в 1849 году: 1 полковник, 11 офицеров, 1 горнист и 1 солдат. Перед публикой они внешне ладят друг с другом, но тем сильнее склока втихомолку. Время от времени все же снова разражается публичный скандал. Так, Чампион, которого выставили из Социал-демократической федерации, основал газету* (первый номер ее я пошлю тебе на этой неделе) и нападает теперь на Гайндмана и в особенности на его союзника Адольфа Смита Хединли, некоего франко-англичанина, который преклоняется перед поссибилистами и является главным посредником в союзе между Гайндманом и поссибилистами. Этот субъект в период после Коммуны был здесь одним из бездельников Французской секции, которая осыпала нас руганью и клеветой, а затем примыкал также к псевдогенеральному совету Юнга, Хейлза и К°[127], он и сейчас еще на нас клевещет, доказательства чего у меня есть. У этого мерзавца, переводчика на здешнем международном конгрессе тред-юнионов, хватило нахальства явиться как-то в воскресенье ко мне под защитой Анселя и Ван-Беверена; Шлютер, когда приедет, сможет тебе рассказать, как я его выставил.

Как только рабочий класс, пока еще едва лишь зашевелившийся, действительно придет здесь в движение, каждому из этих господ будет указано на его место и положение — для одной части внутри, а для другой и вне движения. Это стадия детских болезней.

В редакции «Sozialdemokrat» тоже господствует склока. Об этом тебе расскажет Шлютер. Впрочем, он тоже принадлежит к одной из партий и имеет обыкновение умалчивать о том, что ему не выгодно. Когда я вижу, до какой степени здесь, в редакции газеты, действуют шиворот-навыворот, я тем более восхищаюсь нашими рабочими, умеющими все это выправить и нейтрализовать.

Мамаша Вишневецкая очень обижена, что я не нанес ей визита в Лонг-Бранче, вместо того чтобы лечить у тебя свои недомогания и приводить себя в порядок для путешествия. Она, кажется, оскорблена нарушением этикета и недостатком галантности в отношении дам. Я, однако, не позволю дамочкам, защищающим женское равноправие, требовать от нас галантности: если они добиваются мужских прав, так пусть разрешат и обходиться с ними как с мужчинами. Впрочем, она, конечно, успокоится.

Новый год мы встречали у Пумпс и принуждены были из-за тумана прокутить всю ночь. Тусси уехала лишь в 5 часов утра,

* — «Labour Elector». *Ред.*

с первым поездом, сейчас она на несколько недель отправилась в Корнуэлл.

Бисмарк получил от Геффкена и Морье две полновесные пощечины[128]. То, что имперский суд все еще не дошел до того, чтобы принять его интерпретацию уголовных законов в духе студента-корпоранта, является, между прочим, результатом того, что недавно в Лейпциге молодой Вильгельм* отметил этих господ особым презрением.

Дипломатические интриги достигли апогея. Русские получили 20 миллионов фунтов[129]; пруссаки в апреле получат свою новую 8-миллиметровую винтовку (11-миллиметровая, измененная маузеровская, совершенно не годилась для войны); австрийцы отчаянно хвастаются тем, что они «готовы» и «архиготовы», это доказывает, что им опять захотелось колотушек, а во Франции *может* одержать верх Буланже. Маневры Бисмарка и Солсбери в Восточной Африке[130] имеют лишь целью настолько глубоко впутать Англию в совместные операции с Германией, чтобы и при Гладстоне нельзя было идти на попятный. Поэтому и историю с Морье Вильгельм инсценировал безусловно против воли Бисмарка, но она на нем отзовется. Словом, положение обостряется, и весной дело *может* дойти до войны.

Твой *Ф. Э.*

Из III тома** готов I раздел; II и III в работе. Всего 7 разделов.

Впервые опубликовано с сокращениями в книге «Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906 и полностью на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVIII, 1940 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

72

ФЛОРЕНС КЕЛЛИ-ВИШНЕВЕЦКОЙ[131] В НЬЮ-ЙОРК

Лондон, 12 января 1889 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Вы, без сомнения, недовольны тем, что я уехал из Америки, не посетив Вас в Вашем убежище на берегу моря. Но, будучи в Нью-Йорке, я действительно чувствовал себя слишком плохо,

* — Вильгельм II. *Ред.*
** — «Капитала». *Ред.*